

Т. В. Денисова, О. А. Димитриева

АНТРОПОНИМ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ЧУВАШСКИХ ЗАГАДОК*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. Антропонимический код культуры является частью национальной культуры народа. В предлагаемой статье рассматривается функционирование антропонимов как «культурных» единиц в чувашской загадке. Актуальность исследования обусловлена тем, что антропонимы (система имен человека), будучи знаками «языка» культуры (по В. Н. Телия), транслируют культурно-историческую информацию, посредством которой выявляется специфика национального мировоззрения и мировосприятия. Материалом для исследования послужили чувашские загадки, извлеченные методом сплошной выборки из сборников «Тупмалли юмахсем» (2015, 2016). Всего отобрано 362 загадки. В исследовании используются такие методы, как описательный, лингвистический, статистический и лингвокультурологический анализ. Выявлено, что антропонимы в чувашской загадке представлены в следующих формах: а) имя; б) имя в сочетании с прозвищем одного из родителей (*Ясук Терентий* или *Миля Укахви*); в) имя + отчество (*Спиритун Элекши*). Полная трехкомпонентная формула «фамилия + имя + отчество» не обнаружена. Отмечается, что в загадках используются исконно чувашские дохристианские мужские и женские имена, имена, фонетически совпадающие с русскими или измененные согласно чувашской фонетике, а также созданные в «игровых» целях имена. Делается вывод о том, что антропоним в энигматическом тексте выполняет двойную роль: становится эквивалентом загадываемого объекта или обладателем объекта, кодирующего отгадку.

Ключевые слова: чувашская загадка, антропоним, код культуры, ментальность, языковая картина мира

Т. V. Denisova, O. A. Dimitrieva

ANTHROPONYM AS A STRUCTURAL COMPONENT OF CHUVASH RIDDLES*I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia*

Abstract. Anthroponymic code of culture is a part of the national culture of the people. The proposed article examines functioning of anthroponyms as “cultural” units in a Chuvash riddle. The relevance of the research is due to the fact that anthroponyms (the system of human names), being signs of the “language” of culture (according to V. N. Telia), transmit cultural and historical information, through which the specifics of the national worldview is revealed. The material for the study was Chuvash riddles extracted by continuous sampling from the collections “Тупмалли юмахсем” (“Tulmalli yumakhsem”) (2015, 2016). A total of 362 riddles have been selected. The research uses methods such as descriptive, statistical, and linguistic-cultural analysis. It was revealed that anthroponyms in the Chuvash riddle are presented in the following forms: a) first name, b) first name in combination with the nickname of one of the parents (Chuv. *Ясук Терентий* (*Yasuk Terentiy*) or *Миля Укахви* (*Milya Ukakhvi*)); c) first name + patronymic (Chuv. *Спиритун Элекши* (*Spiritun Elekschi*)). The full three-component formula “surname + first name + patronymic” has not been found. It is noted that the native Chuvash pre-Christian male and female names are used, as well as names that phonetically coincide with Russian or are modified according to Chuvash phonetics. The enigmatic text also uses names created for “game” purposes. It is concluded that the anthroponym in the enigmatic text performs a dual role: it becomes the equivalent of the object being guessed or the owner of the object encoding the guess.

Keywords: Chuvash riddle, anthroponym, cultural code, mentality, linguistic worldview

Введение. В последнее десятилетие наблюдается особый всплеск интереса филологов к изучению национальной загадки. Загадка рассматривается не столько в аспекте лингвистической структуры, сколько с точки зрения ее «культурного» содержания: исследуется язык загадки как часть «языка культуры» (В. Н. Телия), определяются его единицы, что позволяет выявить этноспецифику мировоззрения народа, способ видения окружающего мира и себя в нем. Обзор работ, посвященных изучению загадок как жанра фольклора и как лингвистического явления, подробно представлен в трудах М. Л. Ковшовой [9], О. С. Орловой [10] и др. Предметом лингвокультурологических изысканий становились татарская загадка (Н. И. Файзуллина [18], Т. Ф. Усманов [16]), тувинская (Т. Г. Бочина [3], О. С. Чеснокова, Т. Ф. Усманов [17], А. М. Соян [15]), мордовская (Е. Н. Ваганова, Н. В. Шестеркина [4], Н. Г. Юрина [22]), марийская и хантыйская (Л. А. Андреева, О. Ф. Худобина, Т. А. Молданова, А. А. Шиянова [1]) и др.

В чувашеведении загадки в основном изучаются как малый жанр фольклора. Н. И. Ашмарин в своем труде «Введение в курс чувашской народной словесности» (1923) пишет, что «чувашские загадки, вообще загадки, представляют памятник глубокой старины. <...> они отражают мировоззрение первобытного народа. Форма их ценна и интересна. Рифма загадок сохранила чистоту языка древнего» [2, с. 723].

Одним из первых специальных исследований, посвященных загадке, можно считать работу Н. Р. Романова «О чувашских загадках» [11]. Автор отмечает, что «в народном творчестве чувашей есть коротенькие метафорические произведения, требующие отгадывания. Чуваши их называют по-разному: *кёске юмах* «короткая сказка», *тупмалли юмах* «сказка для отгадывания» или *сутмалли юмах* «сказка с наказанием» [11, с. 142]. Н. Р. Романов проанализировал около 600 чувашских загадок и пришел к выводу, что большинство из них «относится к сельскохозяйственной тематике, и это свидетельствует о том, что больше интересовало чувашских крестьян» [11, с. 143]. При сравнении чувашских загадок с русскими автор находит много сходных примеров и объясняет это следующим образом: «взаимопроникновение загадок могло происходить двумя путями: один путь – через живое общение представителей двух народов, другой – книжный, через посредство школы. <...> Эти загадки претерпели значительные изменения. Сообразуясь с законами родного языка и поэтическими формами, чуваши переименовывали их по-своему – сокращали, удлиняли, т. е. творчески перерабатывали» [11, с. 148].

Отмечая важное значение загадок в духовной жизни чувашей, М. Я. Сироткин выделяет два типа загадок: загадки-вопросы и загадки-описания – и определяет их основные темы: «<...> человек и части человеческого тела, дом и надворные постройки, орудия труда и предметы домашнего обихода, трудовые действия, сельскохозяйственные культуры и овощи, домашние животные и птицы, одежда и обувь, пища и напитки, природные и метеорологические явления, дикие животные, птицы, рыбы и насекомые, деревья и дикие растения, отвлеченные предметы и явления» [14, с. 49]. В. А. Ендеров предлагает следующую классификацию: загадки-иносказания, загадки-описания, загадки-диалоги, загадки-вопросы и загадки-звукоподражания [7, с. 245–254].

Е. С. Сидорова отмечает художественные особенности построения чувашских загадок на основе метонимии и метафоры [13, с. 19]. Е. В. Федотова, составитель и научный редактор сборников чувашских загадок [20], [21], в предисловии к первому сборнику описывает историю его создания, определяет роль и место загадок в чувашских народных сказках и особенности отражения национального мышления и мировоззрения в загадках [19].

В ряду недавних исследований, посвященных изучению языка чувашских загадок с лингвокультурологической точки зрения, обратим внимание на следующие работы: М. В. Долгашевой – о числовом коде энигматического текста [6], Е. Е. Калининой – о цветообозначении [8], Т. В. Денисовой, О. А. Димитриевой – о пересечении соматического и антропонимического кодов культуры [5].

Целью настоящего исследования является изучение структуры (формы) антропонима и определение его роли в чувашских загадках.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность предпринятого исследования связана с необходимостью описания «языка» чувашской культуры. Одной из значимых «культурных» единиц являются антропонимы: имена собственные, по замечанию В. И. Сергеева, тесно связаны с историей народа и в первую очередь с его духовной культурой [12, с. 163]. На материале русских загадок М. Л. Ковшова подчеркивает, что антропонимы в них выступают «средством концептуализации объектов и типизации их свойств» [9, с. 149]. Выступая знаками культуры, антропонимы транслируют культурно-историческую информацию и репрезентируют специфику национального мировоззрения и мировосприятия. Новизна исследования состоит в том, что имена людей (антропонимы) рассматриваются как носители культурной информации и «участники» моделирования мира чувашской загадки.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили энigmatические тексты с компонентом-антропонимом, извлеченные методом сплошной выборки из сборников чувашских загадок «Тупмалли юмахсем» [20], [21]. Всего собрано 362 загадки. В проведенном исследовании используются следующие методы: описательный, лингвостилистический, статистический и лингвокультурологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение.

Формы антропонимов в чувашских загадках. В чувашских загадках, как и в русских, чаще всего встречается личное имя как основное обращение к человеку при повседневном общении (всего 233 загадки, что составляет 64 % от общего числа примеров): *Пёчĕк Иван пилĕкне пушĕт сыхнĕ, урай тĕрĕх утат, тусан урапа нек çаврĕнат* (шĕпĕр) / досл. Маленький Иван на пояс лыко повязал, ходит по полу, кружит пыль как телега (метла) [21, с. 124]; *Энтри нурни пуçхĕрлĕ* (йĕкел) / досл. Палец Андрея вниз головой (желудь) [20, с. 61]; *Пуç тĕрринче Пинерни тухийи* (уйĕх) / Над головой тухья Пинерби (луна) [21, с. 71].

В энigmatическом тексте могут быть представлены два и более антропонима (60 загадок – 16,6 %): *Сарпине Хурапи вĕсрен вĕсе суресĕ* (кунпа сĕр) / досл. Сарби и Хурапи ходят следом (день и ночь) [20, с. 97]; *Иллепе Каçик пуранасĕ: Илле ирхине килет те каçхине каять, Каçик каçхине килет те ирхине каять* (хĕвелпе уйĕх) / досл. Живут Илья и Казик: Илья приходит утром и вечером уходит, а Казик вечером приходит и утром уходит (солнце и луна) [21, с. 74]; *Ылтĕннипе Кĕмĕлни ылмашĕнсĕ тĕрĕсĕ: пĕри килсе кун кунлат, тепри килсе сĕр сĕрлет* (хĕвелпе уйĕх) / досл. Золото-девушка и Серебро-девушка чередуются: одна приходит и день проводит, другая приходит и ночь проводит (солнце и луна) [21, с. 71].

Антропонимы, употребляемые в загадке, могут совпадать с русскими (*Иван*), быть изменены согласно чувашской фонетике (*Энтри* – Андрей), в том числе с добавлением чувашских элементов, например аффикса *-ук* к женским именам (*Синук* – Зина). В некоторых текстах антропоним «придуман» и является подсказкой, содержащей намек на загадываемый денотат: таковы имена *Сарпи* и *Хурапи*, в которых, помимо аффикса *-ни*, прибавляемого к женским именам, во внутренней форме содержатся слова *сарĕ* (желтый, красивый), *хура* (черный). В приведенном выше контексте имена являются антонимами, репрезентирующими противоположные времена суток – день и ночь. Или, например, *Ылтĕнни* и *Кĕмĕлни*, образованные таким же «женским» аффиксом *-ни* от названий драгоценных металлов *ылтĕн* (золото) и *кĕмĕл* (серебро), которые традиционно символизируют небесные светила – Солнце и Луну. Имя *Каçик*, во внутренней форме которого слово *каç* (вечер), противопоставляется в энigmatическом тексте имени *Илле* (Илья), связываемому с дневным временем суток. Возможно, *Илле* в этом контексте является агнионимом

(т. е. «именем святого»), так как отсылает к Илье-пророку, который почитается среди чувашей как податель дождя (2 августа – *Илле кун*) и, как следствие, ассоциируется со светлым днем.

Очень редко используется структура «имя + отчество» (всего 6 загадок – 1,7 %): *Пуян ывăлĕ Путирак, Тутил ывăлĕ Тутирак, Пынт ывăлĕ Пытирак (сăпса, тĕкĕлтура, пыл хурчĕ)* / досл. Сын богача Путирак, сын Тутила Тутирак, сын Пынты Пытирак (оса, шмель, пчела) [21, с. 150]; *Сыпăсать, сыпăсать Спиритун Элекси кĕрүшĕ* (куршанак) / досл. Пристает, пристает зять Алексея Спиридоныча (репейник) [20, с. 100]. Как показывают примеры, данная структура характерна для мужских имен.

Структура «имя + прозвищная форма имени отца / матери (фамилии)» встречается в 3 загадках (0,8 %): *Леш екки, ку екки – Ясук Теренти каçан кукрашки* (чĕлĕм) / досл. Та сторона, эта сторона – нижний изгиб спины Ясук Терентия (трубка) [21, с. 113]; *Сикка Трахвин купăс калать* (хыçкаланни) / досл. Сикка Трахвин играет на гармошке (почесывание) [21, с. 107]; *Миля Укахви хĕлĕн-çăвĕн тулта ларĕ* (сус килли) / досл. Агафья у Миля будет сидеть на дворе всю зиму и лето (ступа, в которой мнут кудель) [20, с. 162].

Для чувашских загадок не характерно употребление одного отчества без имени или только фамилии. Антропонимическая полная трехкомпонентная формула также не встречается.

Функции антропонима в загадке. В энигматическом тексте за именем собственным часто стоит загадываемый денотат или же человек (его имя) выступает в роли обладателя объекта, который кодирует отгадку. Рассмотрим данные группы подробнее.

1. Человек (антропоним)=отгадка. В данной группе в качестве дополнительных характеристик денотата вводятся параметрические или социальные данные человека, такие как занимаемое общественное положение и семейные отношения:

а) «антропоним + социальное положение» (1,7 % от общего числа загадок с антропонимами): к имени собственному (в начальной форме) добавляются слова (в начальной форме) *патша* (царь, царица), *мулла* (исламский священнослужитель), первое подчеркивает превосходство, главенство, второе эксплицирует представление о манере поведения: *Иван патша вăранать, ылттăн тиркĕ сурăлать, шăна-пăван тапранать* (автан авăтать, тул сурăлать, халăх вăранать) / досл. Царь Иван просыпается, золотая шкатулка разрывается, насекомые начинают двигаться (петух поет, рассветает, народ просыпается) [20, с. 25]; *Шурă кĕçсе çинче Мевли мулла ларать* (кушак) / досл. На белом войлоке сидит мулла Мевли (кошка) [20, с. 104]; *Пĕр Кĕтерне патша чўречи витĕр пăхать тет* (чўрече хуппи) / досл. Говорят, что некая царица Катерина смотрит через окно (ставни) [21, с. 120]. В приведенных загадках *Иван патша (царь Иван)=петух; Мевли мулла=кошка, Кĕтерне патша (царица Катерина)=ставни;*

б) «антропоним + термин родства» (7,4 % загадок). Самым частотным термином родства является *пичче* (старший брат), встречаются также *акка* (старшая сестра), *инке* (жена старшего брата, невестка), *мучи* (старший брат отца или муж старшей сестры матери, также дед), *кĕрү* (зять): (1) *Иван пичи шыва кайĕ, шыва кайсан – кăларĕ* (курка) / досл. Старший брат Иван уйдет под воду, а когда в воду уйдет – достанет (чаша) [20, с. 99]; (2) *Матĕрне акка çул сўреме кайнă та, сăраççисем ўксе юлнă* (тăм ўкни) / досл. Старшая сестра Матрена отправилась в путь, а ключи упали и остались (иней) [21, с. 51]; (3) *Тарье акипе Марье аки хире-хирĕç пăхса тăраççĕ* (кăмакапа чўрече) / досл. Тетя Дарья и тетя Мария, глядя друг на друга, стоят (Печь и окно) [20, с. 81]; (4) *Алăк тытса усмассерен Хĕлип мучи килех кĕрет* (сивĕ) / досл. Каждый раз, когда дверь открывают, дед Филипп заходит в дом (мороз) [21, с. 155]; (5) *Куçма кĕрү кускалать, Лапата кĕрү лап ларать* (икерчĕ пĕсерни) [20, с. 58] / досл. Зять Кузьма суетится, а зять Лапата спокойно сидит (выпекание блинов); (6) *Кулине инкен виçсĕр утмăл пилĕк шур тутăр, Кулине кашни кун*

пёр тутърне хывса пӑрахать (календарь) [20, с. 68] / досл. У тети Акулины триста шестьдесят пять белых платков, Акулина каждый день снимает один платок (календарь).

Во всех приведенных загадках описывается алгоритм действий родственника: имя собственное в сочетании с термином родства кодирует денотат: например, невестка Акулина (*Кулине инке* – пример 6), имея 365 платков, представляет собой годовой цикл, «приравнивается» к бумажному календарю (белый цвет платка соответствует цвету бумаги календаря). Добавим также, что в грамматическом плане в модели «антропоним + термин родства=отгадка» используются следующие формы: 1) «нач. форма + нач. форма» (в 12 загадках – 3,3 %) (примеры 2, 4, 5); 2) «нач. форма + им. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (в 2 загадках – 0,5 %) (в примерах 1, 3: *Иван пичи; Тарье акине Марье аки*): такая форма по значению совпадает с начальной формой и часто употребляется в чувашских говорах; 3) «нач. форма + род. п. ед. ч.» (в 13 загадках – 3,6 %) – в русском языке соответствует сочетанию «у кого-то есть» (пример 6 – *Кулине инкен*);

в) «прилагательное + антропоним» (встречается в 31 загадке, что составляет 8,6 %). Наиболее распространенными являются параметрические прилагательные, указывающие на размер (*пӗчӗк* (маленький), *пӗчӗкӗш* (малюсенький)), цвет (*сарӑ* (желтый)), эстетический признак (*хитре* (красивый), *хӑли* (невзрачный, простой)) и др.: (1) *Пӗчӗк Иван тилӗкне пушӑт сыхӑнӑ, урай тӑрӑх утать, тусан урапа пек саврӑнать* (шӑпӑр) / досл. Маленький Иван на пояс лыко повязал, ходит по полу, кружит пыль как телега (метла) [21, с. 124]; (2) *Сарӑ Сарпикен сакӑр вун сарапан* (сухан) / досл. У желтой=красивой Сарпиге восемьдесят сарафанов (лук) [20, с. 160]; (3) *Пӗчӗкӗш Пинеслу пин хут кӗпе тӑхӑнать*. (купӑста) / досл. Малюсенькая Пинеслу надевает тысячу рубашек (капуста) [20, с. 99]; (4) *Хитре Хӗрккен хӗрӗх мурка* (куршанак) / досл. У красивой Девы сорок кисточек (репейник) [20, с. 100]; (5) *Хӑли Мӗтрин хӗрӗх куш* (пӑрнеске) / досл. У невзрачного Митрия сорок глаз (наперсток) [20, с. 140].

В загадках 2, 3 имя собственное вступает в языковую игру, используется прием паронимической аттракции: в приведенной загадке о луке (2) при употреблении имени *Сарпиге*, состоящего из двух слов *сар(ӑ) + тике*¹ («желтый, красивый» + «госпожа, красавица»), и прилагательного *сарӑ* с помощью повтора эксплицируются два значения: цвет растения (луковой шелухи) и внешний вид. В загадке 3 нехристианское женское имя *Пинеслу*, во внутренней форме которого два слова *пине + -слу*², отсылает к чувашскому слову *пин* (тысяча), которое также повторяется в контексте загадки (*пин хут*), маркируя предполагаемую отгадку – капусту (ср. с русским вариантом *Сто одежек и все без застежек*).

При анализе загадок Н. Р. Романов отмечал, что «для многих чувашских загадок характерны аллитерация и ассонанс» [11, с. 149]. В загадке 4 используется прием аллитерации путем повторения звуков *х–р* и употребления антропонима *Хӗркке*, который является языческим женским именем, «ласкательным обращением, выражающим восхищение»³: *Хитре Хӗрккен хӗрӗх*;

г) «числительное + антропоним» (в 8 загадках – 2,2 %). В сочетании с антропонимом используются числительные *пӗр* (один), *иккӗ*, *ик(ӗ)* (два), которые в загадках, как правило, указывают на объективный количественный признак (см. числовой код в тувинских загадках [3]): *Аламсари ик Йӑван авалтанна пӗртӑван* (алӑсем) / досл. Два Ивана с Аламсара издревле родные (руки) [20, с. 32]; *Икӗ Махмати, пӗр Ахмати, пӗр сӗмел*,

¹ Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с. – URL : <https://ru.samah.chv.su/s/3/Сарпиге>.

² Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с. – URL : <https://ru.samah.chv.su/article/51457.link>.

³ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. – URL : <https://ru.samah.chv.su/s/8/Хӗркке>.

пёр сулак, тават тёрев (ёне) / досл. Две Махмати, одна Ахмати, одна копна, одна метла, четыре подпорки (корова) [20, с. 55].

Использование двух одинаковых имен (*ик Йăван, икĕ Махмати*) кодирует загадываемый денотат, подчеркивает его одинаковость, парность (две руки, рога).

2. Человек (антропоним) как обладатель объекта=отгадка. В такой модели в качестве объекта, принадлежащего человеку, выступают части тела (соматизмы), родственники (термины родства) и предметы одежды, быта / хозяйства, которые, в свою очередь, кодируют загадываемый предмет:

а) «антропоним + соматизм» (94 загадки – 26 % (подробнее см. [5]), из них 38 – с семантикой принадлежности): в таких случаях подчеркиваются некоторые внешние особенности, количественные характеристики и т. п. (подробнее см. [5]). Грамматические структуры, задействованные в данной модели, следующие:

1) «нач. форма + им. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (в 21 загадке – 5,8 %): *Варук сáмси вака каçар* (кушак хўри) / досл. Нос у Варук (Варвары) рычагом вздернутый (кошачий хвост) [20, с. 105]; 2) «нач. форма + дат. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (2,5 %): *Ахмат куçне шур илнĕ* (чўрече шáнни) / досл. У Ахмата на глазах бельмо (замерзание окна) [21, с. 121]; 3) «род. п. ед. ч. + им. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (2,2 %): *Михалан чавси куклек* (сёкĕл) / досл. У Михаила локоть кривой (крючок) [21, с. 23]. Как правило, указывается на некоторую аномалию в части тела человека, которая является нормой для загадываемой реалии (аномалия – *бельмо на глазу Ахмата* = норма для *цвета замерзшего окна*);

б) «антропоним + термин родства» (51 загадка – 14 %, с семантикой принадлежности – 32 единицы, 8,8 %): в данную подгруппу, помимо кровных родственников (*хёр* – дочь, *анне / амáш* – мать), вовлекаются термины супружества (*арáм* – жена), используемые по следующим грамматическим моделям:

1) «нач. форма + им. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (21 – 5,8 %): *Нестёр арáмĕ – йёне кут* (витре) / досл. Жена Нестера – мокрая ж... (ведро) [20, с. 50]; *Тумиле хёрĕ туй хыççан йёрĕ* (тумлам) / досл. Дочь Тумиле заплачет после свадьбы (капля) [21, с. 62]; 2) «нач. форма + местн. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (1,1 %): *Алапит сёминче пилĕк ача* (алá) / досл. В семье Алабита пятеро детей (рука) [20, с. 27]; 3) «нач. форма + им. п. ед. ч., выпадение аффикса 3 лица формы принадлежности» (1,9 %): *Лявук арáм сатáлти* (áвáс) / досл. Жена Лявука болтливая (осина) [20, с. 44];

в) «антропоним + окружающие предметы» (27 загадок – 7,5 %): под последними будем понимать как предметы быта, хозяйства, так и домашних животных. Приведем грамматические формы в рассматриваемой модели: 1) «нач. форма + им. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (17 загадок – 4,7 %): *Хирте Расман алси ларать* (акапуç) / досл. В поле лежат рукавицы Росмана (деревянный плуг) [20, с. 26]; *Атáл урлá – Улатимёр кёперĕ* (асамат кёперĕ) [20, с. 37] / досл. Через Волгу мост Владимира (радуга); 2) «род. п. ед. ч., + им. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (6 загадок – 1,7 %): *Сармантейĕн сар лашии сак айёнче кёсенет* (сáра йўçни) / досл. Сармантея рыжий конь ржет под лавкой (брожение пива) [20, с. 150]. Выбор имени собственного (*Сармантей*) и масти лошади обусловлен игровым приемом параномазии (ср. *Сармантей* – *сар лашии* – *сáра*); 3) «нач. форма + род. п. ед. ч., форма принадлежности 3 лица» (3 загадки – 0,8 %): *Маçi лашии мáйĕ сук* (тенкел) / досл. У лошади Василия нет шеи (скамейка, стул) [21, с. 52].

Таким образом, основной функцией антропонима в энигматическом тексте является указание на загадываемый денотат напрямую или посредством объектов обладания.

Выводы. Итак, антропонимы в чувашской загадке представлены в большинстве своем в форме: а) имени (аналогичного русскому (*Иван*), фонетически измененного (*Энтри, Синул*), собственно чувашского (*Сартике*) или созданного для «игровых» целей (*Хурапи,*

Кашик)); б) сочетания с прозвищным именем одного из родителей (*Ясук Теренти, Миля Укахви*); в) сочетания с отчеством (*Спиритун Элекси*). Полная трехкомпонентная формула «фамилия + имя + отчество» не встречается.

Антропоним в энигматическом тексте выполняет двоякую роль: во-первых, становится эквивалентом загадываемого объекта, во-вторых, выступает обладателем объекта, кодирующего отгадку. В первой функции дополнительными характеристиками антропонима становятся номинации социального статуса, термины родства, параметрические прилагательные и числительные. Наряду с приемами метафоры и метонимии, широко применяемыми для создания загадок, в чувашском энигматическом тексте используется прием языковой игры – паронимическая аттракция, или парономазия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л. А., Худобина О. Ф., Молданова Т. А., Шиянова А. А. Сопоставительный анализ цветовой лексики в марийских и хантыйских загадках // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2(87). – С. 408–411. – DOI 10.24412/1991-5497-2021-287-408-411.
2. Ашмарин Н. И. Избранные труды по чувашской филологии. – Чебоксары : ЧГИГН, 2021. – С. 723–725.
3. Бочина Т. Г. Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 2. – С. 125–140. – DOI 10.25178/nit.2024.2.8.
4. Ваганова Е. Н., Шестеркина Н. В. Экспликация мифометафорических моделей в русских и мордовских загадках с отгадкой «печь» // Филология и культура. – 2019. – № 2(56). – С. 12–21.
5. Денисова Т. В., Димитриева О. А. Антропонимы и соматизмы в русских и чувашских загадках: пересечение кодов культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 6. – С. 2570–2576. – DOI 10.30853/phil20250360.
6. Долгашева М. В. Числительное «один»: сопоставительный анализ чувашских и английских загадок (лингвокультурологический аспект) // Вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия : сборник научных статей. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. – С. 330–335.
7. Ендеров В. А. О проблемах классификации чувашских паремий // Ашмаринские чтения. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – С. 245–254.
8. Калинина Е. Е. Цветовая лексика в чувашских загадках // Russian linguistic bulletin. – 2021. – № 4(28). – С. 141–144. – DOI 10.18454/rulb.2021.28.4.33.
9. Ковалева М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. – Изд. 2-е, испр. – М. : ЛЕНАНД, 2024. – 400 с.
10. Орлова О. С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – М. : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.
11. Романов Н. Р. О чувашских загадках // Ученые зап. Вып. XXI. – Чебоксары : ЧНИИЯЛИЭ, 1962. – С. 142–154.
12. Сергеев В. И., Исаев Ю. Н., Филиппов А. Л. Лингвокультурология и национально-культурная семантика. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – 300 с.
13. Сидорова Е. С. Ваттисен сáмахсеме каларáшсем, сáнавсеме паллáсем, тупмалли юмахсем // Чáваш халáх сáмахлáх. V том. Вак жанрсем. – Шупашкар : Чáваш кёнеке издательстви, 1984. – С. 5–21.
14. Сироткин М. Я. Чувашский фольклор. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 132 с.
15. Соян А. М. Характеристика человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале) // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 2. – С. 112–124. – DOI 10.25178/nit.2024.2.7.
16. Усманов Т. Ф. Мир повседневности в загадках испанской, русской и татарской лингвокультур : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. – М., 2025. – 175 с.
17. Чеснокова О. С., Усманов Т. Ф. Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 4. – С. 294–316. – DOI 10.25178/nit.2022.4.21.
18. Файзуллина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. – Казань, 2020. – 339 с.
19. Федорова Е. В. Тупмалли юмахсен хáйне евёрлэхэ // Чáваш халáх пултарулáх. Тупмалли юмахсем. Пёрремёш кёнеке / áслáлáх редакторё, пухса хатёрлекенё, ум сáмахпа áнлантарусене сыраканё Е. В. Федотова. – Шупашкар : Чáваш кёнеке издательстви, 2015. – С. 5–22.
20. Чáваш халáх пултарулáх. Тупмалли юмахсем. Пёрремёш кёнеке / áслáлáх редакторё, пухса хатёрлекенё, ум сáмахпа áнлантарусене сыраканё Е. В. Федотова. – Шупашкар : Чáваш кёнеке издательстви, 2015. – 446 с.
21. Чáваш халáх пултарулáх. Тупмалли юмахсем. Иккёмёш кёнеке / пухса хатёрлекенё, ум сáмахпа áнлантарусене сыраканё Е. В. Федотова. – Шупашкар : Чáваш кёнеке издательстви, 2016. – 398 с.

22. Юрина Н. Г. Отражение национальной языковой картины мира в мордовских загадках // Вестник угроведения. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 743–753. – DOI 10.30624/2220-4156-2023-13-4-743-752.

Статья поступила в редакцию 05.09.2025

REFERENCES

1. Andreeva L. A., Hudobina O. F., Moldanova T. A., Shiyanova A. A. Sopostavitel'nyj analiz cvetovoj leksiki v marijskih i hantyskih zagadkah // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2021. – № 2(87). – S. 408–411. – DOI 10.24412/1991-5497-2021-287-408-411.
2. Ashmarin N. I. Izbrannye trudy po chuvashskoj filologii. – Cheboksary : ChGIGN, 2021. – S. 723–725.
3. Bochina T. G. Yurta i ee detali v tuvinskih zagadkah // Novye issledovaniya Tuvy. – 2024. – № 2. – S. 125–140. – DOI 10.25178/nit.2024.2.8.
4. Vaganova E. N., Shesterkina N. V. Eksplikaciya mifometaforicheskikh modelej v russkikh i mordovskih zagadkah s otgadkoj «pech'» // Filologiya i kul'tura. – 2019. – № 2(56). – S. 12–21.
5. Denisova T. V., Dimitrieva O. A. Antroponimy i somatizmy v russkikh i chuvashskih zagadkah: perechenie kodov kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2025. – Т. 18, № 6. – S. 2570–2576. – DOI 10.30853/phil20250360.
6. Dolgasheva M. V. Chislitel'noe «odin»: sopostavitel'nyj analiz chuvashskih i anglijskih zagadok (lingvokul'turologicheskij aspekt) // Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodejstviya : sbornik nauchnyh statej. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2023. – S. 330–335.
7. Enderov V. A. O problemah klassifikacii chuvashskih paremij // Ashmarinskie chteniya. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2004. – S. 245–254.
8. Kalinina E. E. Cvetovaya leksika v chuvashskih zagadkah // Russian linguistic bulletin. – 2021. – № 4(28). – S. 141–144. – DOI 10.18454/rulb.2021.28.4.33.
9. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: antroponimicheskij kod kul'tury. – Izd. 2-e, ispr. – M. : LENAND, 2024. – 400 s.
10. Orlova O. S. Evfemizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoj i angloyazychnoj kul'turah: princip nepryamoj nominacii. Kognitivno-kul'turologicheskoe issledovanie. – M. : LENAND, 2022. – 240 s.
11. Romanov N. R. O chuvashskih zagadkah // Uchenye zap. Vyp. XXI. – Cheboksary : ChNIIYaLIE, 1962. – S. 142–154.
12. Sergeev V. I., Isaev Yu. N., Filippov A. L. Lingvokul'turologiya i nacional'no-kul'turnaya semantika. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2013. – 300 s.
13. Sidorova E. S. Vattisen sãmahësempe kalarãshsem, sãnavsempe pallãsem, tupmalli yumahsem // Chãvash halãh sãmahlãhë. V tom. Vak zhanrsem. – Shupashkar : Chãvash këneke izdatel'stvi, 1984. – S. 5–21.
14. Sirotkin M. Ya. Chuvashskij fol'klor. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1965. – 132 s.
15. Soyana A. M. Harakteristika cheloveka v tuvinskih zagadkah (na polevom i leksikograficheskom materiale) // Novye issledovaniya Tuvy. – 2024. – № 2. – S. 112–124. – DOI 10.25178/nit.2024.2.7.
16. Usmanov T. F. Mir povsednevnosti v zagadkah ispanskoj, russkoj i tatarskoj lingvokul'tur : dis. ... kand. filol. nauk : 5.9.8. – M., 2025. – 175 s.
17. Chesnokova O. S., Usmanov T. F. Zagadki o pishche v tuvinskoj i russkoj lingvokul'turah // Novye issledovaniya Tuvy. – 2022. – № 4. – S. 294–316. – DOI 10.25178/nit.2022.4.21.
18. Fajzullina N. I. Lingvokognitivnaya model' narodnoj zagadki: obrazno-strukturnyj aspekt (na materiale russkogo, tatarskogo i anglijskogo yazykov) : dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.20. – Kazan', 2020. – 339 s.
19. Fedorova E. V. Tupmalli yumahsen hãjne evërlëhë // Chãvash halãh pultarulãhë. Tupmalli yumahsem. Përremësh këneke / äslãlãh redaktorë, puhsa hatërlekenë, um sãmahpa änlantarusene çyrananë E. V. Fedotova. – Shupashkar : Chãvash këneke izdatel'stvi, 2015. – S. 5–22.
20. Chãvash halãh pultarulãhë. Tupmalli yumahsem. Përremësh këneke / äslãlãh redaktorë, puhsa hatërlekenë, um sãmahpa änlantarusene çyrananë E. V. Fedotova. – Shupashkar : Chãvash këneke izdatel'stvi, 2015. – 446 s.
21. Chãvash halãh pultarulãhë. Tupmalli yumahsem. Ikkëmësh këneke / puhsa hatërlekenë, um sãmahpa änlantarusene çyrananë E. V. Fedotova. – Shupashkar : Chãvash këneke izdatel'stvi, 2016. – 398 s.
22. Yurina N. G. Otrazhenie nacional'noj yazykovoj kartiny mira v mordovskih zagadkah // Vestnik ugrovedeniya. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 743–753. – DOI 10.30624/2220-4156-2023-13-4-743-752.

The article was contributed on September 5, 2025

Сведения об авторах

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-0626-5371>, tatyana.docka@yandex.ru

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, olgaal_79@mail.ru

Author Information

Denisova, Tatyana Vitalyevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-0626-5371>, tatyana.docka@yandex.ru

Dimitrieva, Olga Albertovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Cultural Studies, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>, olgaal_79@mail.ru